

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О ТОМ, БЫЛО ЛИ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО «ДОЛГОГО XVI ВЕКА» «КОМПОЗИТНЫМ»?

В 1975 г. Х. Кенигсбергер, выступая с инаугурационной лекцией при вступлении на должность профессора истории Королевского колледжа в Лондоне, выдвинул тезис:

«Большинство государств раннего Нового времени были составными государствами, включающими более одной страны под суверенитетом одного правителя. Эти составные государства или монархии могли состоять из совершенно отдельных стран, разделенных морем или другими государствами, как, например, владения монархии Габсбургов в Испании, Италии и Нидерландах, владения монархии Гогенцоллернов в Бранденбурге-Пруссии или, конечно, Англия и Ирландия; или же они могли быть соседствующими, как, например, Англия и Уэльс, Пьемонт и Савойя или Польша и Литва»¹.

Кенигсбергер не первым высказал эту идею. В начале 50-х гг. XX в. нечто подобное писал Р. Мунье, а в начале 60-х гг. — П. Шоню². Тогда идея не была оценена, но в 1992 г. Дж. Эллиотт опубликовал статью «Европа композитных монархий»³, после чего данный тезис прочно вошел в методологический арсенал западной исторической науки и стал предметом непрекращающейся дискуссии о природе «композитности» и границах ее распространения в раннемодерную эпоху. В последние десятилетия границы эти расширились за счет включения в «ареал» *«composite states or monarchies»* не только

¹ См.: Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe dominium regale or dominium politicum et regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No. 2. P. 202.

² См., например: Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1966. P. 38; Mousnier R. Histoire Générale des Civilisations. Vol. IV. Les XVIe et XVIIe siècles: Les progress de la civilization européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1954. P. 97.

³ Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. № 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.

государств Западной, Северной, Центральной и отчасти Восточной Европы, но также Османской империи и Русского государства «долгого XVI века»⁴.

В отечественной историографии идея «композитности» получила ограниченное распространение⁵. Однако с выходом в 2020 г. в 47-м выпуске «Russian History» статьи А. И. Филюшкина «Почему Россия не стала «композитным государством?» дело как будто сдвинулось с мертвой точки⁶. Откликом на эту публикацию стала статья М. М. Крома «Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV – XVI в.»⁷, в которой не согласился с мнением А. И. Филюшкина. Позицию последнего поддержал И. А. Кирпичников, который в своей диссертации отмечал:

«Использование термина («композитарное государство». — В. П.) в качестве «зонтичного» снижает его эвристический потенциал. Некритичное включение Московского государства в единый типологический ряд европейских монархий затемняет важные различия, которые нуждаются в дальнейшем исследовании и прояснении»⁸.

Небесполезно рассмотреть, какие же аргументы используют сторонники той или иной точки зрения. Противники концепции Кенигсбургера–Эллиотта приводят следующие

⁴ См., например: *Romaniello M.* Ethnicity as social rank: Governance, law, and Empire in Muscovite Russia // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 447–469; *Sashalmi E.* Russia as a fiscal-military and a composite-dynastic state, 1654–1725 (An Outline) // *State and nation in Russia and Central-East-Europe*. Budapest, 2009. S. 1–13; *Ijäs M., Uusitalo L.* Early modern state formation in the margins? A review of early modern popular politics and limited royal power in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Spanish colonial empire // *J@rgonia*. 2017. № 15 (30). P. 153–177; *Ijäs-Idrobo M.* East of Stockholm, North of Warsaw: Finland, Estonia and the Early Modern Composite States in the Baltic Region // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2018. Vol. 67. № 3. P. 325–348; и др.

⁵ См., например: *Федоров С. Е.* Раннестюартовская монархия и ее композиты // *Мнемон*. Вып. 12. 2013. С. 473–484; *Паламарчук А. А.* «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // *Вестник СПбГУ*. Сер. 2. 2014. Вып. 4. С. 76–82; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Конструирование средневековых территориальных автономий: Реальность и дискурсы раннего Нового времени // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. 2021. Вып. 75. С. 394–402; *Федоров С. Е., Паламарчук А. А.* Британская композитарная монархия: Верховная власть и этнокультурные процессы // *Новая и новейшая история*. 2022. Т. 66. № 5. С. 34–45; и др. — См. также: *Митрофанов В. П.* Становление композитарной монархии в Англии в XVI – первой половине XVII в. // *Многосоставные государства: опыт и перспективы развития*. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 45–52.

⁶ *Filyushkin A.* Why did Russia not become a composite state? // *Russian History*. 2020. № 47. С. 201–223.

⁷ *Кром М. М.* Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV–XVI в. // *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. P. 461–478. — Статья содержит краткий, но информативный историографический обзор темы. Ср.: *Демьяненко М. А.* Испанская и Российская империи в XV–XVIII веках: Прологомены к сравнительному анализу. СПб., 2021. С. 22–24; *Backerra Ch.* Personal union, composite state and ‘multiple’ rule // *The Routledge History of Monarchy*. London; New York, 2019. P. 90–92.

⁸ *Кирпичников И. А.* Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века. Дисс. ... кандидата ист. наук. М., 2021. С. 690.

доводы. Во-первых, как считал И. А. Кирпичников, «в Московском государстве XVI–XVII вв. не был представлен ключевой элемент композитарной модели — политическая субъектность локальных элит, которые выступали бы самостоятельными контрагентами центральной власти»⁹, а именно эта субъектность, подчеркивал А. И. Филюшкин, являлась ключевым пунктом концепции Кенигсбергера – Эллиотта¹⁰.

Во-вторых, для раннемодерной России были характерны неразвитость и неразработанность локального права¹¹, которому в становлении «composite states or monarchies» в рамках концепции Кенигсбергера – Эллиотта отводится важное место. В-третьих, свою роль сыграли неразвитость или отсутствие политических институтов, способных составить конкуренцию или оказать серьезное сопротивление попыткам верховной власти пересмотреть устоявшийся порядок вещей в процессе интеграции тех или иных земель в состав «composite state». Как результат, Москва «перебирала» местные элиты и «социально активное население», порой полностью сменяя их и заменяя своими ставленниками¹².

Наконец, отсутствие серьезных языковых, культурных и религиозных различий также способствовало тому, что процесс государствообразования в северо-восточной Руси пошел не в сторону «композитности». «В XV–XVI веках в Восточной Европе — от Днепра до Волги — не было территориальных, политических, этнических или религиозных субъектов, с которыми Москва могла вести переговоры, а не просто подчинять их», — такой вывод делает А. И. Филюшкин¹³. Следовательно, не было и соответствующей почвы для развития на Руси отношений, присущих составным государствам или монархиям.

Доводы, приведенные ученым в защиту своего видения проблемы, нельзя не признать вескими. Возможно, поэтому отечественные исследователи отнюдь не торопятся принимать на вооружение концепцию «composite states or monarchies» — за редким исключением¹⁴, ибо для современной российской историографии в целом характерна нелюбовь к широким обобщениям и абстракциям. М. М. Кром, как раз являющийся таким исключением, признавая применимость концепции Кенигсбергера – Эллиотта к русским реалиям, отмечает важный момент. Широкая распространенность термина «композитная монархия» не означает единства исследователей в его понимании — ученые вкладывают в него различный смысл, вариативность еще более усиливается благодаря использованию параллельных терминов («conglomerate state», «multiple kingdom» и др.¹⁵),

⁹ Кирпичников И. А. Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века. С. 690.

¹⁰ Filyushkin A. Why did Russia not become a composite state? P. 205.

¹¹ Filyushkin A. Why did Russia not become a composite state? P. 212.

¹² Filyushkin A. Why did Russia not become a composite state? P. 203–204, 213, 214.

¹³ Filyushkin A. Why did Russia not become a composite state? P. 205, 206, 207.

¹⁴ См., например: Lipich T. I., Penskoj V. V. et al. The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // The Social Sciences. Pakistan, 2016. Vol. 11 (10). P. 2421–2424; Пенской В. В. Раннемодерные государства Европы: От «лоскутных монархий» до «Левиафана» // Государство созидающее: Правовые ресурсы формирования: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического института НИУ БелГУ / Отв. ред. Е. Е. Тонков. Белгород, 2018. С. 158–161.

¹⁵ См., например: Gustaffson H. The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // Scandinavian Journal of History. 1998. Vol. 23. № 3–4. P. 189–213; Russell C.

которые было бы опрометчиво во всех случаях считать просто синонимами «композиционной монархии». Значит, прежде чем говорить о том, насколько российские реалии XVI–XVII вв. соответствовали европейской модели, необходимо уточнить, какой именно вариант подобной модели имеется в виду¹⁶.

Однако стоит ли ставить вопрос именно так? На наш взгляд — нет. Безусловно, и в России, и в Европе государственные образования эпохи раннего Нового времени унаследовали средневековую политико-административную и правовую традицию¹⁷, которая в своих основаниях была схожа¹⁸. Эта сопоставимость, по мнению М. М. Крома¹⁹ (а ссылка на Гальперина?!), определялась тем, что типологически и русское, и европейское общества эпохи Средневековья и раннего Нового времени относились к аграрным обществам «первой волны» (по типологии Э. Тоффлера). Для таких «холодных» (по классификации К. Леви-Стросса) обществ характерны патриархальность, консерватизм, приверженность к «старине» и стремление не только сохранять, но и воспроизводить завещанный отцами и дедами образ жизни²⁰.

В политико-административном отношении характерным признаком этой «старины» являлись, как отмечала Н. А. Хачатурян в докладе на конференции в феврале 2019 г. на историческом факультете МГУ «*État moderne* в Западной Европе XII–XVII веков», полицентризм и дисперсия власти²¹. Они определялись, во-первых, гетерогенным характером средневековых государственных образований, составленных из территорий с разным уровнем политического, социально-экономического и культурного развития и, соответственно, разной политико-правовой традицией. Во-вторых, полицентризм и дисперсия власти были напрямую связаны с другой важнейшей особенностью средневековых политий, а именно: их институциональной слабостью. Не обладая развитой инфраструктурой власти²², правящие элиты средневековых государств вынуждены были сотрудничать в деле управления с местными элитами, опиравшимися на местные же сообщества-«корпорации»²³. Непременным условием успешности этого взаимодействия

Composite Monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish Example // *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. London and New York, 1995. Pp. 133–146 et al.

¹⁶ Кром М. М. Несколько замечаний... С. 465.

¹⁷ Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. P. 23.

¹⁸ См., например: Горский А. А. «Бесчисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X – XV вв. СПб., 2018. С. 75–78.

¹⁹ См.: Halperin Ch. J. The Early Modern Muscovite State reconsidered // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2. С. 182–183.

²⁰ См.: Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня: Неприрученная мысль. М., 2008. С. 438–439; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 38–40. — См. также: Домников С. Д. Мать земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 20, 21, 22.

²¹ См.: Цатурова С. К. Судьбы проекта *État moderne* в России (Заметки участника конференции) // Средние века. 2019. Вып. 80 (1). С. 115.

²² См.: Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. 1984. Vol. 25. No. 2. Tending the roots: Nationalism and populism. P. 189.

²³ См., например: Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 13, 14.

являлось сохранение местной политико-правовой «старины», выступавшей в виде присущих для данного региона, с одной стороны, традиционных, устоявшихся в веках форм самоуправления, а с другой — норм обычного, неписаного права.

Все эти отличительные особенности средневекового политико-правового устройства стали прочным фундаментом раннемодерной государственности. Но на этом общем основании складывались разные ее модели, облик и форма которых определялись конкретно-историческими условиями развития. Следовательно, русская модель «композитности»/«лоскутности» будет иметь характер, отличный от любой другой европейской. Поэтому, как подметил М. М. Кром, «привилегии местной элиты, наличие у территории собственных законов или, тем более, ассамблеи (парламента) — это не некие константы, обязательно присущие «композитной монархии», а, скорее, переменные величины...»²⁴.

Исходя из этого тезиса, попробуем сформулировать свой ответ на вопрос, поставленный А. И. Филюшкиным. Но прежде обратим внимание на ряд существенных моментов, связанных с особенностями формирования и развития средневековой русской государственности.

Первый, и самый важный из них, состоит в том, что средневековое Русское государство, в отличие от западноевропейских, формировалось на своего рода культурной целине и, как отмечал В. М. Живов, не получило «римской прививки». Как результат, средневековая Русь «легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает. Не делает этого, естественно, и наследующая ей Русь Московская, еще более отдалившаяся от чужого римского прошлого»²⁵.

Негативное влияние на становление и развитие русской государственности оказало и окраинное положение Русской земли, природно-географический фактор — *не очень четко изложена мысль, необходимо пояснить, поправить стиль*. С. М. Соловьев писал о том, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»²⁶. Суровые природно-климатические условия и бедность на природные ресурсы, наложившись на необходимость противостояния давлению со стороны соседей, стали тем негативным фоном, на котором складывался облик русского государства, общества и менталитета.

Ограниченная ресурсная база (существенно увеличить которую не представлялось возможным из-за неблагоприятных условий для развития доминирующего сектора русской экономики — аграрного) препятствовал развитию городов и связанной с ними городской культуры, особенно когда в итоге тотального кризиса раннесредневековой модели социально-политического и экономического развития конца XII – первой половины XIII в.²⁷, усугубленного вторжением татаро-монголов, происходит своего рода «аграризация» Русской земли.

²⁴ Кром М. М. Несколько замечаний... С. 471.

²⁵ Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 296.

²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.

²⁷ См. подробнее: Макаров Н. А. Русь в XIII веке: Характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 9–10.

Этот процесс имел далеко идущие политические, социальные и культурные последствия и в историографии зачастую оценивался весьма пессимистически²⁸. Он сопровождался консервацией сложившихся к тому времени форм политико-правовой и культурной жизни. «Мы старины не рушаем а новины не уводим»²⁹, — представляется, что под этим «конституционным» принципом, которого придерживались великие литовские князья, с готовностью подписались бы и русские князья, бояре и «лучшие земские люди» (правда, с той оговоркой, что «старина» у каждого из них была своя).

К числу основополагающих принципов этой «старины», на наш взгляд, стоит отнести, во-первых, «служебную организацию»³⁰; во-вторых, обычай *corpus fratrum*, «братского совладения», определявший характер взаимоотношений между князьями дома Рюриковичей³¹. В-третьих — традицию местного, «земского», самоуправления. И. Я. Фроянов видел в последнем «городские волости-государства» и проводил аналогии с полисным устройством античной Греции³². При всей дискуссионности выдвинутой им концепции, полагаем, что имеет смысл вернуться к ее обсуждению снова, но на более высоком научном и методологическом уровне.

Обращает на себя внимание и такая немаловажная деталь русской «старины», как замедленный (по сравнению с той же Западной Европой) характер освоения русским обществом формальной административной письменности (в отличие от церковной и бытовой), на что указывал С. Франклин³³. По мнению историка, это объясняется тем, что и общество, и государство были вполне удовлетворены сложившимися способами регулирования социальных отношений, не требовавших обязательного перехода к использованию письма.

В целом, в середине XV в., как отмечал Ю. Г. Алексеев, «Русская земля... представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией»³⁴, для которой была характерна многослойная «лоскутность» политического, социального, правового, культурного и экономического устройства. Но сохранилась ли эта «лоскутность» в процессе складывания «централизованного» Русского государства? От ответа на этот вопрос зависит и ответ на другой вопрос: применимы ли к раннемодерной России положения концепции Кенигсбергера – Эллиотта?

²⁸ См., например: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 191–211.

²⁹ *Lietuvos Metrica*. Кн. № 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. № 248. Р. 170.

³⁰ Подробнее об этом см., например: *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *Отечественная история*. 1992. № 2. С. 56–74; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. СПб., 2018. С. 179–181.

³¹ См.: *Назаренко А. В.* 1) Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., 2009. С. 47–87; 2) Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне.... С. 7–28.

³² См., например: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. М., 2023. С. 222, 231–234.

³³ *Franklin S.* Writing, society and culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2004. Р. 185, 277.

³⁴ *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 60–61.

Традиция противопоставления России раннего Нового времени как государства, основанного на деспотической, а в случае с Иваном IV — тиранической власти монарха, современным ей государствам Европы ведется с XVI в., как минимум с того момента, когда в 1549 г. вышли «Записки о Московии» имперского дипломата С. Герберштейна, «отца-основателя» *Rossica*. Его слова о том, что Василий III, сын Ивана III и отец Ивана IV, властью своей превосходит всех окрестных государей и всех одинаково гнетет жестоким рабством³⁵, стали крайне популярными. Немецкий авантюрист Г. Штаден и вовсе завершает создание внушающего трепет образа русского самодержца как монарха абсолютного³⁶.

Если принять на веру эти свидетельства, то получается, что за столетие с небольшим ситуация на Руси коренным образом переменилась. Произошла своего рода революция, переворот (который нередко связывают с именем Ивана Грозного³⁷) — из пестрой мозаики отдельных удельных княжеств, городов и земель сложилось единое, централизованное государство с жесткой вертикалью власти и отсутствием какой-либо альтернативы самодержавию. Благодаря либеральному дискурсу, утвердившемуся в отечественной историографии к середине XIX в., эта версия стала доминирующей и в профессиональном сообществе³⁸, и в общественном сознании. Вместе с тем в ряде работ отечественных и зарубежных историков последних десятилетий она подверглась обоснованной критике и перестала восприниматься столь прямолинейно и упрощенно³⁹.

Выводы, ставшие результатом этих исследований, позволяют утверждать, что никаких переворота и тем более революции, радикально переменивших облик Русского государства и общества, в «долгий XVI век» не было. Более того, развитие политических и социальных отношений, административных структур и правовых институтов проходило под знаком расширения и углубления «служебной организации», что привело в итоге к формированию «земско-служилого» государства.

³⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 89.

³⁶ Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 203, 205.

³⁷ См., например: Флоря Б. Н. Лекции по русской истории. М., 2021. С. 143–148; Янов А. Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 184–191.

³⁸ См., например: Kollmann N. Crime and punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 6–7; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. СПб., 2019; Ерусалимский К. Ю. Император Святой Руси. М., 2025; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; и др.

³⁹ См., например: Berelowitch A. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVI–XVII siecles). Paris, 2001; Halperin Ch. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 3. P. 501–507; Kivelson V. 1) Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996; 2) Muscovite «citizenship»: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. No. 3. P. 465–489; Kleimola A. M. Justice in Medieval Russia: Muscovite judgment charters (pravye gramoty) of the fifteenth and sixteenth century // Transactions of the American Philosophical Society. 1975. Vol. 65. Part 6. Philadelphia, 1975. P. 3–93; Kollmann N. Crime and Punishment...; Аракчеев В. А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014; Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб., 2012. и др.

В основе идеологии этого государства, как отмечал Ю. Г. Алексеев, лежал концепт всеобщей «службы» государству, которое персонифицировалось в образе государя всея Руси, и идея патернализма, определявшая характер отношений между государем и его подданными. При этом «в силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между государем и его подданными, — подчеркивал далее историк, — как не может быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье»⁴⁰. Такой порядок, отмечал Ю. Г. Алексеев, как будто исключал появление на Руси сословий как замкнутых в себе корпораций, огражденных писаным правом, вырванным в упорной борьбе с властью за свои привилегии.

На первый взгляд, такой расклад свидетельствует не в пользу положительного ответа на вопрос относительно применимости концепции Кенигсбергера – Эллиотта к ранне-модерной России. Нет сословий — нет и присущих им сословных прав и привилегий, нет договорных отношений — нет почвы для появления «composite state». Однако представляется, что такая оценка все же несколько поспешна и не учитывает ряд других особенностей складывания и последующего развития политических, социальных, юридических и культурных структур, отношений и институтов на Руси в эпоху раннего Нового времени.

Прежде всего стоит отметить, что, несмотря на широко распространенное мнение об отсутствии сословий на Руси, все же есть основания полагать, что они существовали. Природа их была несколько иной, чем на Западе. Сословия («чины». — В. П.) на Руси складывались, по замечанию Ю. Г. Алексеева, «не в борьбе с государственной властью, а в защите ее, во имя общенациональных интересов»⁴¹.

В этой связи нельзя не вспомнить о любопытном наблюдении, сделанном А. А. Смирновым. Он писал, что процессы централизации в разных сферах деятельности государства проходили с разной скоростью, и в военной сфере она завершилась быстрее, чем в политической или экономической⁴². Эта неравномерность объясняется ограниченностью той экономической базы, на которой выстраивалось здание ранне-модерного Русского государства, и нехваткой ресурсов, которыми располагала власть для решения стоящих перед ним растущих количественно и усложняющихся качественно задач.

Решить эту проблему за счет мобилизации и интенсификации использования внутренних ресурсов не представлялось возможным — этому препятствовала институциональная слабость Русского государства, на что обращал внимание К. В. Петров, добавляя к этому, что «Россия XVI–XVII вв. — более слабое государство в административном и финансовом отношении, нежели европейские страны»⁴³. Получался замкнутый круг — неразвитость властной инфраструктуры («sinews of power», по Дж. Брюэру⁴⁴) не позволяла собрать необходимые средства для активной внешней и внутренней поли-

⁴⁰ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 432.

⁴¹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. С. 433.

⁴² См.: Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34–38, 35.

⁴³ См.: Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 375.

⁴⁴ См.: Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, 1989.

тики и совершенствования соответствующих инструментов ее проведения, а быстро нарастить «мускулатуру» было невозможно по причине нехватки этих самых средств.

«Разгрузить» маломощный формирующийся государственный аппарат, который в своем текущем состоянии был неспособен адекватно и эффективно реагировать на множасьшие вызовы, можно было за счет концентрации его усилий на решении первостепенных задач⁴⁵. По замечанию Н. Коллманн, «в России это были уголовная юстиция, мобилизация ресурсов (людских и материальных) и системы набора в вооруженные силы и контроля за ними»⁴⁶. Решение же остальных проблем оставалось перенести на местный уровень. Но это неизбежно вело к формированию такой политической структуры, которая, как писал Н. Н. Покровский во введении к работе Ю. Г. Алексеева «Государь всея Руси», основывалась не «на единственном понятии «государство», а на двух понятиях — «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними»⁴⁷. Связано это было, по замечанию историка, с тем, что «центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности»⁴⁸.

В итоге, Ю. Г. Алексеев подчеркивал,

«Русское государство выросло из общины, создалось как иерархическая система общин, подчиненных общеземской власти в лице государя всея Руси», и именно «община крестьянская, городская (посадская), служилая (служилый город), образовывали основную структуру Российского государства, венчаемую патерналистской властью государя всея Руси»⁴⁹.

Отсюда следует чрезвычайно важный для нашего исследования вывод, сделанный Н. Н. Покровским: «Это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны»⁵⁰.

На чем основывались политические права этих первичных социальных общностей-«корпораций»? Ответ на этот вопрос дает Н. П. Павлов-Сильванский. Он отмечал, что «существо средневековой общины... заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении». В основе этого общинного самоуправления лежала «территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обуславливающее все их права и обязанности по отношению к миру»⁵¹. Отсюда историк делал вывод: «Из этой высшей территориальной власти общины происходит ее право на лиц, владеющих участками общинной земли, *в отношении дани и в отношении суда и расправы* (выделено нами. — В. П.)»⁵². И хотя Н. П. Павлов-Сильванский говорил о сельской общине, но особенной разницы в функциях между ней и любой другой средневековой или раннеמודерной «корпорацией», светской или религиозной,

⁴⁵ Подробнее см., например: Кром М. М. «Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 374–375.

⁴⁶ Kollmann N. Crime and Punishment in Early Modern Russia. P. 5.

⁴⁷ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 6.

⁴⁸ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 6.

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 433–434.

⁵⁰ См.: Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. С. 6.

⁵¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 200.

⁵² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 200, 201.

западной или восточной, нет. Порядок же суда и расправы вкупе с распределением повинностей определялся выработанным самой «корпорацией» «регламентом»⁵³, тем самым обычаем, характеризующий, английский юрист Г. де Брактон писал: «Обычай... это то, что иногда исполняется как закон в тех местностях, где он утвердился вследствие долгого пользования и соблюдается подобно закону, потому что длительное пользование и обычай имеют не меньшую силу [чем закон] (выделено нами — В. П.)»⁵⁴.

Такое положение во многом объяснялось тем, что, по замечанию А. Я. Гуревича, «писаное средневековое право отличалось крайней фрагментарностью и неполнотой, оно не систематизировано, многие стороны жизни не нормированы законодательно». Как следствие, те, кто вершил правосудие, исходили из того, что «руководствоваться в жизни можно и нужно было не только (и не столько. — В. П.) статьями конкретных законов и предписаний, но и нормами, нигде не зафиксированными и тем не менее соответствующими понятию справедливости и правопорядка (выделено нами. — В. П.)»⁵⁵.

Как отмечал К. В. Петров, «в представлениях людей той эпохи именно (правовой) обычай имел безусловный авторитет»⁵⁶. Господство обычного права в системе правовых отношений и в правовой культуре признавалось и верховной властью. Последняя, как уже было не раз отмечено выше, не обладала соответствующей инфраструктурой, чтобы навязать обществу, состоящему из множества тех самых «корпораций», свою волю, и не имела необходимых ресурсов для того, чтобы заменить обычное право на писаное. В итоге она сама, как подметил М. А. Дьяконов, не только не исключала действие обычая, но ставила себя под его защиту и санкцию⁵⁷.

Таким образом, характерной чертой правовой культуры той эпохи оставалось, как и в эпоху Средневековья, «двуначалие права», когда по определению А. Н. Филиппова, «рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа»⁵⁸. И важнейшим следствием этого было то, что присущее для Средневековья состояние «лоскутности» и «многослойности» правового поля никуда не исчезло и в раннее Новое время. Следовательно, важнейшее основание для сохранения «композитности» политико-правового устройства раннемодерных государств, и Русского в том числе, сохраняется и, по существу, санкционируется верховной властью. Характерным примером тому могут служить уставные грамоты, которые выдавались московскими великими князьями. Н. П. Загоскин, характеризуя грамоты, отмечал, что они де-факто закрепляли существование «пошлины» и вводили ее в правовое поле своим авторитетом и влиянием⁵⁹.

⁵³ Подробнее см.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 155.

⁵⁴ de Bracton H. De legibus & confuetudinibus Angliae. Liber primus. Londini, 1640. S. 2.

⁵⁵ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 150. — Ср.: Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? С. 378.

⁵⁶ Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? С. 379.

⁵⁷ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 2005. С. 155.

⁵⁸ Филиппов А. Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. Год 7. 9. XIII. С. 56–71.

⁵⁹ См.: Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV-го–XVI-го вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Т. 1. Обзор дошедших и изданных до нашего времени

Примечательным в этом отношении является фрагмент из формуляра кормленых грамот, в изобилии раздававшихся великими и удельными князьями в раннее Новое время. В них кормленщику и местным жителям предписывалось: «И вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего (выделено нами. — В. П.)» (вариант — «блюдет, и ведает, и ходит по старой пошлине, как было преже сего»)⁶⁰. Толковать эти слова иначе, как недвусмысленное указание на то, что суд и расправа должны вершиться на основании устоявшихся местных правовых обычаев, нельзя. Дополнением к служит другой фрагмент — наместнику или волостелю предписывалось: «без сотцково и без добрых людеи и не судити суд»⁶¹.

Институционализация и легитимизация «земского» самоуправления, осуществленные при Иване IV в ходе так называемой «губной» и «земской» «реформ», на законодательном уровне (посредством раздачи уставных, губных и иных жалованных грамот) закрепили окончательно двухуровневое устройство системы местного управления в Русском государстве. «Композитность» его правового поля позволяет утверждать, что, по меньшей мере, в этом важнейшем аспекте теория «composite states or monarchies» применима по отношению к России раннего Нового времени⁶².

К этому можно добавить и такой любопытный факт, как наделение правом суда и расправы вотчинников и помещиков, светских и духовных. Содержавшаяся в них стандартная формула, повторявшаяся из года в год, гласила, что «наши намесницы... и волостели и их тиуни тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, ...а ведает и судит тех своих людей... сам во всем или кому прикажет»⁶³. На практике это означало, что население деревень и сел имуниста оказывалось выведено из-под великокняжеской юрисдикции (за исключением особо опасных преступлений) и судопроизводство владельцем грамоты вершилось на основе обычного права (так как судебники 1497 и 1550 гг. включали в себя по преимуществу нормы процессуального права, да и доступность их для рядового вотчинника или помещика была более чем ограничена). Это добавляло мозаичности в правовую чересполосицу Русского государства и содействовало сохранению основ «композитности».

Земское самоуправление и местные правовые обычаи, на основе которых действовало самоуправление, на наш взгляд, составляли фундамент, причем весьма устойчивый,

уставных грамот XIV-го—XVI-го вв., определяющих порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. С. 60–61. — Ср.: Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (54). С. 11.

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. С. 156, 157.

⁶¹ Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 195.

⁶² Ср.: Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies. P. 55.

⁶³ См., например: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. С. 28, 31, 36, 55, 86, 94, 99; Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 189; Кистерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2003. С. 110; Маштафаров А. В. Суздальский владычный дом в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 85; Назаров В. Д. Акты из архива Спасо-Евфимьева монастыря. Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 18. и др.

русской модели «композитности» (впрочем, это же можно сказать и о любой другой европейской — различались только формы этого самоуправления и фиксации норм обычного права). Однако этот базовый уровень был невидим для внешнего наблюдателя-современника и тем более для позднейших исследователей по той причине, что русское обычное право не стало (в отличие от Западной Европы) объектом пристального внимания, изучения и глоссирования со стороны профессионального сообщества юристов (за отсутствием такового в допетровской России).

Однако есть и видимый уровень «композитности», напрямую связанный с особенностями социально-политического развития русской государственности и общества — обычай *corpus fratrum*. Анализ текстов духовных грамот великих и удельных князей показывает, что основополагающим принципом междоусобиц отношений выступает формула «Царь еси, господине княже, в своей земле»⁶⁴. На практике это означало, что стороны, заключающие докончанье, взаимно обязывались «блости, и не обидети, и не вступатися» в пределы «отчины» партнера, внутри которой ее владелец являлся полновластным сувереном, обладавшим всей полнотой административной, судебной, военной, фискальной и даже религиозной власти⁶⁵.

При этом, что любопытно, формуляр грамот, посредством которых регулировались междоусобиц отношения, не меняется начиная с духовной Ивана Калиты и докончанья его сыновей и завершая духовной Ивана Грозного. Это позволяет утверждать, что неписаная «конституция» Русской земли, заложенная в этих грамотах, отличалась чрезвычайной устойчивостью. Даже такие великие князья, как Василий II, его сын Иван III, внук Василий II и правнук Иван IV, собирая земли и власть, мыслили в категориях «старины» и боролись не с системой, а с конкретными людьми. Характерный пример — Иван IV, который, казнив по подозрению в измене своего двоюродного брата Владимира Андреевича, тем не менее, отцовский удел передал сыну старицкого князя⁶⁶. И что, как не сохранение удельной «старины» с ее суверенностью владельцев «отчин» наглядно свидетельствует в пользу «композитности» Русского государства вплоть до самого конца XVI в.?

Кроме того, при рассмотрении обсуждаемого вопроса следует обратить пристальное внимание на проблему политической субъектности локальных элит, которая как будто отсутствовала на Руси в раннее Новое время. Представляется, однако, что такое положение будет более характерным для послесмутного времени и в особенности для второй половины XVII в., и стало оно результатом сложных процессов внутренней перестройки русского общества в XVII в., приведших к упадку влияния старой аристократии и разложению «служилого города». Но применимы ли эти выводы к более раннему времени? Нам представляется, что нет.

⁶⁴ Памятники древне-русского канонического права. Часть первая (памятники XI–XV вв.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 158.

⁶⁵ См., например: Бенцианов М. М. Служилые люди Юрия Дмитровского. Поместная политика // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3. С. 55–68; Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 144–150; Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову-монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей. Вып. 25. М., 1962. С. 318–322 и др.

⁶⁶ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 229.

А. Л. Корзинин отмечал, что с завершением объединительной политики Иваном III «Государев двор последней четверти XV – начала XVI в. приобрел общерусский и общегосударственный характер», при этом «он пополнился новыми представителями и территориально-родовыми группами»⁶⁷. М. М. Бенцианов, дополняя этот тезис, заметил, что «к середине XVI в. Государев двор распадался, по крайней мере, на 44 отдельных группы, не считая родовых княжеских корпораций, служивших по отдельным спискам». Исследователь делает интересный вывод — Государев двор есть «корпорация корпораций», которая, в условиях отсутствия легитимных органов представительства выступала воплощением единства страны и потому была «одним из важнейших институтов государства на пути к централизации»⁶⁸.

В этой цитате, на наш взгляд, кроется противоречие. С одной стороны, М. М. Бенцианов пишет о том, что Государев двор представляет собой «корпорацию корпораций» из представителей нескольких десятков территориальных «корпораций», а с другой стороны отмечает отсутствие «легитимных органов представительства». Но если посмотреть на ситуацию иначе, то Государев двор в конце XV – начале XVI в. как раз и являлся тем самым «легитимным органом представительства», посредством которого верховная власть в лице монарха и «политический народ» в лице элиты служилого «чина» организуют свое взаимодействие. И до тех пор, пока власть не получила иную, альтернативную двору, опору (ту же приказную бюрократию), она никак не сможет не учитывать его мнение. Тот факт, что двор был неоднороден и дробился на «партии», группировавшиеся по территориальным, родственным, патрон-клиентским и иным связям, позволяет утверждать, что, с одной стороны, он представляет мнение если не всего, то наиболее влиятельной части служилого «чина», а с другой, точно также отражает позицию отдельных территориальных единиц.

Впрочем, и сами территориальные «корпорации» — служилые «города» вовсе не были столь уж безгласными, как может показаться на первый взгляд. Начало процесса складывания этих «корпораций» может быть отнесено к концу XIII – началу XIV в., к середине XV в. они превратились во вполне сформировавшиеся социальные общности с устоявшимися традициями и «стариной». При этом, как подчеркивал С. З. Чернов, «состав вотчинников оказывается настолько стабильным, что даже при изменении характера юрисдикции представители этих родов продолжали служить наследникам тех, кому служили их отцы и деды»⁶⁹. То есть свойственные для этих «протогородов» структуры и отношения показывают устойчивость и преемственность из поколения в поколение. Эти качества историк демонстрирует на примере волоцкой служилой «корпорации»: «Объединенные родовыми связями, верностью сюзерену и общими интересами по защите своих обширных вотчинных владений, волоцкие землевладельцы, служившие московским князьям, выступали достаточно сплоченно»⁷⁰.

⁶⁷ Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.: СПб., 2016. С. 104.

⁶⁸ Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV – XVI вв. М., 2019. С. 67.

⁶⁹ Чернов С. З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII – XV веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 22, 23.

⁷⁰ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирования военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 310.

Свою сплоченность и осознание своих групповых интересов эти «корпорации» (равно как и «корпорации» сельские и посадские⁷¹) наглядно показали в годы «войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием и его сыновьями. Только опираясь на поддержку и верность таких «корпораций», Василий II и его соперники могли вести столь долго эту борьбу. И могла ли власть пренебрегать мнением социальных структур, которые наглядно показали свою значимость и политическую субъектность? Очевидно, что нет, тем более что иной опоры у власти, кроме как этой, не было и появится она нескоро — на создание соответствующей властной инфраструктуры потребуется не одно столетие. А пока она создавалась, «корпорации» снова показали свою политическую субъектность во время Смуты и позднее, во время острого политического кризиса конца 40-х гг. XVII в.

Итак, подведем итог. Изучение регионов через призму теории «*composite states or monarchies*» позволяет лучше уяснить особенности развития Русского государства и общества в раннемодерное время и пролить свет на ряд важных вопросов его истории. Больше того, применение этого подхода открывает новые эвристические перспективы — как минимум, в плане развития региональных штудий.

Информация о статье

Автор: Пенской, Виталий Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; Orc ID 0000-0002-4092-8992, Researcher ID S-7698-2016, Scopus ID 57190883623; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Заголовок: Возвращаясь к вопросу о том, было ли Русское государство «долгого XVI века» «композитным»?

Резюме: С того самого момента, когда в 1992 г. Дж. Эллиотт опубликовал работу «Европа композитных монархий», в которой он развил идеи, высказанные Х. Кенигсбергером пятнадцатью годами ранее в статье «Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale», обоснованная этими учеными концепция, предложившая рассматривать раннемодерные европейские государства как «составные» («композитные»), прочно вошла в методологический арсенал западной исторической науки. И хотя с тех прошло более 20 лет, концепция остается одной из наиболее обсуждаемых проблем европейской истории раннего Нового времени. Автор проанализировал отечественную историографию, рассмотрел концепции разных исследователей, обращавшихся к тезису Кенигсбергера — Эллиотта. Он отмечает, что в современной российской исторической науке идея Кенигсбергера — Эллиотта не получила широкого распространения. Связано это было, видимо, не только с тем, что в постсоветской историографии не наблюдается тяготения к широкому историческому обобщению. Свою роль сыграли сомнения в применимости к русским реалиям допетровской эпохи наработок, сделанных на европейских материалах. Методологические аспекты применения концепции к русской истории проанализированы в статье А. И. Филошкина «Почему Россия не стала композитным государством». Как следует из названия статьи, ее автор сомневается в применимости концепции Кенигсбергера — Эллиотта к русской действительности раннего Нового времени. Между тем, публикация стала поводом для начала заочной дискуссии вокруг поднятой проблемы, где историками были высказаны аргументы как «за», так и «против» применимости концепции «*composite states or monarchies*» к реалиям московского периода истории Российского государства.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, обычай, государство, право, композитарное государство, Московская Русь

Литература, использованная в статье:

Алексеев, Юрий Георгиевич. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

⁷¹ См., например: Назаров В. Д. Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь и Василий II (К истории династической войны московских Рюриковичей) // *Paleobureaucratia: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 225–245.*

- Алексеев, Юрий Георгиевич. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
- Альшиц, Даниил Натанович. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Санкт-Петербург: Наука, 2019. 260 с.
- Аракчеев, Владимир Анатольевич. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. Москва: Древлехранилище, 2014. 512 с.
- Бенцианов, Михаил Михайлович. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV – XVI вв. Москва: Центрполиграф, 2019. 351 с.
- Бенцианов, Михаил Михайлович. Служилые люди Юрия Дмитровского. Поместная политика // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 55–68.
- Бовыкин, Владимир Валентинович. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
- Глебов, Андрей Германович. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Москва: Наука, 2008. С. 11–19.
- Горский, Антон Анатольевич. «Бежисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018. 416 с.
- Гуревич, Арон Яковлевич. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 17–262.
- Демьяненко, Михаил Алексеевич. Испанская и Российская империи в XV–XVIII веках: Прологомены к сравнительному анализу. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 38 с.
- Домников, Сергей Дмитриевич. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. Москва: Алетей, 2002. 672 с.
- Ерусалимский, Константин Юрьевич. Император Святой Руси. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 886 с.
- Живов, Виктор Михайлович. История русского права как лингвосемиотическая проблема. Postscriptum // Живов, Виктор Михайлович. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 291–305.
- Зимин, Александр Александрович. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. Москва: Мысль, 1991. 286 с.
- Зимин, Александр Александрович. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 144–150.
- Киричников, Иван Алексеевич. Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века: Дисс. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Москва, 2021. 839 с.
- Кобрин, Владимир Борисович. Иван Грозный. Москва: Московский рабочий, 1989. 174 с.
- Корзинин, Александр Леонидович. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. 672 с.
- Кром, Михаил Маркович. «Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
- Кром, Михаил Маркович. Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV–XVI в. // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56. P. 461–478.
- Леви-Стросс, Клод. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня: Неприрученная мысль. Москва: Академический проект, 2008. С. 143–501.
- Макаров, Николай Андреевич. Русь в XIII веке: Характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. Москва: Наука, 2003. С. 5–11.
- Митрофанов, Владимир Петрович. Становление композитарной монархии в Англии в XVI – первой половине XVII в. // Многосоставные государства: Опыт и перспективы развития: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2019. С. 45–52.
- Назаренко, Александр Васильевич. Династический строй Рюриковичей X – XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 47–87.
- Назаренко, Александр Васильевич. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые // Назаренко А. В. Древняя Русь и

славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 7–28.

Назаров, Владислав Дмитриевич. Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь и Василий II (К истории династической войны московских Рюриковичей) // *Paleobureaucratica*: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. Москва: Древлехранилище, 2012. С. 225–245.

Павлов-Сильванский, Николай Павлович. Феодализм в России. Москва: Наука, 1988. 696 с.

Паламарчук, Анастасия Андреевна. «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // *Вестник СПбГУ. Сер. 2. История*. 2014. Вып. 4. С. 76–82.

Паламарчук, Анастасия Андреевна; Федоров, Сергей Егорович. Конструируя средневековые территориальные автономии: Реальность и дискурсы раннего Нового времени // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. 2021. Вып. 75. С. 394–402.

Петров, Константин Васильевич. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // *Очерки феодальной России*. Вып. 12. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2008. С. 365–382.

Тоффлер, Элвин. Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.

Федоров, Сергей Егорович. Раннестюартовская монархия и ее композиты // *Мнемон*. 2013. Вып. 12. С. 473–484.

Федоров, Сергей Егорович, Паламарчук, Анастасия Андреевна. Британская композитарная монархия: Верховная власть и этнокультурные процессы // *Новая и новейшая история*. 2022. № 5. С. 34–45.

Флоря, Борис Николаевич. Лекции по русской истории. Москва: Древлехранилище, 2021. 544 с.

Флоря, Борис Николаевич. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *Отечественная история*. 1992. № 2. С. 56–74.

Фроянов, Игорь Яовлевич. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Москва: Академический проект, 2023. 271 с.

Хорошкевич, Анна Леонидовна. Россия в системе международных отношений середины XVI века. Москва: Древлехранилище, 2003. 621 с.

Цатурова, Сусанна Карленовна. Судьбы проекта *État moderne* в России (Заметки участника конференции) // *Средние века*. Москва: Наука, 2019. Вып. 80 (1). С. 112–121.

Чернов, Сергей Заремович. Волок Лямский в XIV – первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирования военно-служилой корпорации. Москва: Галерея, 1998. 543 с.

Чернов, Сергей Заремович. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XV веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. Москва: Наука, 2008. С. 16–30.

Шмидт, Сигурд Оттович. Становление российского самодержавства. Москва: Мысль, 1973. 357 с.

Юрганов, Андрей Львович. Категории русской средневековой культуры. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 308 с.

Янов, Александр Львович. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

Backerra, Charlotte. Personal union, composite state and multiple rule // *The Routledge History of Monarchy*. London and New York: Routledge, 2019. 736 p.

Berelowitch, André. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d’Ancien Regime (XVI–XVII siecles). Paris: Editions Seuil, 2001. 480 p.

Brewer, J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.

Bushkovitch, Paul. What is Russia? Russian national identity and the state // *Culture, nation, and identity: The Ukrainian-Russian encounter, 1600–1945*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 144–161.

Chaunu, Pierre. La civilisation de l’Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 705 p.

Elliott, John Huxtable. A Europe of composite monarchies // *Past and Present*. 1992. No. 137. The cultural and political construction of Europe. P. 48–71.

Filyushkin, Aleksandr Il’ich. Why did Russia not become a composite state? // *Russian History*. 2020. № 47. P. 201–223.

Franklin, Simon. Writing, society and culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 325 p.

- Ijäs-Idrobo, Miia.* East of Stockholm, North of Warsaw: Finland, Estonia and the Early Modern composite states in the Baltic Region // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2018. Vol. 67. № 3. P. 325–348.
- Ijäs, Miia; Uusitalo, Lauri.* Early modern state formation in the margins? A review of early modern popular politics and limited royal power in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Spanish colonial empire // *Jargonia*. 2017. № 15 (30). P. 153–177.
- Halperin, Charles.* The Early Modern Muscovite State reconsidered // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2. P. 181–196.
- Halperin, Charles.* Muscovy as a hypertrophic state: A critique // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No 3. P. 501–507.
- Gustaffson, Harald.* The conglomerate state: A perspective on state formation in Early Modern Europe // *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. № 3–4. P. 189–213.
- Kivelson, Valery.* Autocracy in the provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford: Stanford University Press, 1996. 396 p.
- Kivelson, Valery.* Muscovite «citizenship»: Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 3. P. 465–489.
- Kleimola, Ann.* Justice in Medieval Russia: Muscovite judgment charters (Pravye gramoty) of the fifteenth and sixteenth century // *Transactions of the American Philisophical Society. New Series*. 1975. Vol. 65. Part 6. P. 1–93.
- Koenigsberger, Helmut.* Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe dominium regale or dominium politicum et regale // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. No. 2. P. 191–217.
- Kollmann, Nancy.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Lipich, Tamara Ivanovna; Penskov, Vitaly Viktorovich.* The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // *The Social Sciences. Pakistan*, 2016. Vol. 11 (10). P. 2421–2424.
- Mann, Michael.* The autonomous power of the state: Its origins, mechanisms and results // *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. 1984. Vol. 25. No. 2. Tending the roots: nationalism and populism. P. 185–213.
- Mousnier, Roland.* Histoire Générale des Civilisations. Vol. IV. Les XVIe et XVIIe siècles: Les progress de la civilization européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715). Paris: Presses universitaires de France, 1954. 605 p.
- Romaniello, Matthew.* Ethnicity as social rank: Governance, law, and Empire in Muscovite Russia // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 447–469.
- Russell, Conrad.* Composite monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish Example // *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. London and New York: Routledge, 1995. Pp. 133–146.
- Sashalmi, Endre.* Russia as a fiscal-military and a composite-dynastic state, 1654–1725 (An outline) // *State and nation in Russia and Central-East-Europe*. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. P. 1–13.

Information about article

Author: Penskov, Vitaly Viktorovich – Dr. Sc. in History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of History of State and Law Institute of Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; Orc ID 0000-0002-4092-8992, Researcher ID S-7698-2016, Scopus ID 57190883623; e-mail: penskov@bsu.edu.ru

Title: Returning to the question of whether the Russian state of the «long 16th century» was «composite»?

Summary: J. Elliott published an article «A Europe of Composite Monarchies» in 1992. He developed the ideas put forward fifteen years earlier by H. Koenigsberger in his article, «Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale». The concept substantiated by these scholars, which proposed to consider early modern European states as «composite states or monarchies», has firmly entered the methodological arsenal of Western historical science. And although more than 20 years have passed since then, this concept remains one of the most discussed issues of early modern European history. In modern Russian historical science, however, the Koenigsberger–Elliott idea has not received wide distribution. This was apparently due to several reasons. Firstly, in post-Soviet historiography there is no tendency toward broad historical generalizations. Secondly, there are doubts about the applicability of the findings based on European materials to the Russian realities of the pre-Petrine era. However, interest in this concept remains, as evidenced by A. I. Filyushkin's article «Why Russia Did Not Become a Composite State». As the title of the article suggests, its author doubts if the Koenigsberger–Elliott concept is applicable to the Russian realities of the early modern period. Its publication became a start point for an absentia discussion

around the problem raised. This article analyzes the arguments “for” and “against” the applicability of the concept of “composite states or monarchies” to the realities of the Moscow period of the history of the Russian state.

Key words: Middle Ages, early Modern, tradition, custom, state, law, Europe, Russia

References:

- Alekseev, Yuriy Georgievich. *Gosudar'vseya Rusi [Sovereign of All Rus']*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 240 p. (in Russian).
- Alekseev, Yuriy Georgievich. *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma [Code of Law of Ivan III. Tradition and reform]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
- Al'shicz, Daniil Natanovich. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The Beginning of Autocracy in Russia. The State of Ivan the Terrible]*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019. 260 p. (in Russian).
- Arakcheev, Vladimir Anatolyevich. *Vlast' i «zemlya» Pravitel'stvennaya politika v otnosheniy tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka [Power and «land» Government policy regarding the tax classes in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries]*. Moscow: Drevlechraniishhe Publ., 2014. 512 p. (in Russian).
- Backerra, Charlotte. Personal union, composite state and multiple rule, in *The Routledge History of Monarchy*. London; New York: Routledge, 2019. 736 p.
- Bentsianov, Michail Michaylovich. «Knyazya, boyare i deti boyarskiye»: Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. [«Princes, boyars and boyar children»: The system of official relations in the Moscow state in the 15th–16th centuries]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2019. 351 p. (in Russian).
- Bentsianov, Michail Michaylovich. Sluzhilye lyudi Yuriya Dmitrovskogo. Pomestnaya politika [Service people of Yuri Dmitrovsky. Local politics], in *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*. 2010. No 3. (41). Pp. 55–68. (in Russian).
- Berelowitch, André. *La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVI–XVII siecles)*. Paris: Editions Seuil, 2001. 480 p.
- Bovykin, Vladimir Valentinovich. *Mestnoye samoupravleniye v Russkom gosudarstve XVI v. [Local self-government in the Russian state of the 16th century]* St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2012. 421 p. (in Russian).
- Brewer, John. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Bushkovitch, Paul. What is Russia? Russian National Identity and the State, in *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter, 1600–1945*. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. Pp. 144–161.
- Chaunu, Pierre. *La civilisation de l'Europe classique*. Paris: Arthaud, 1966. 705 p.
- Chernov, Sergey Zaremovich. Mikroregional'nye issledovaniya sel'skoy Rusi XIII–XV vekov kak forma sopryazhennogo izucheniya arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikov: Vozmozhnosti, problemy, perspektivy [Microregional studies of rural Rus' of the 13th – 15th centuries as a form of combined study of archaeological and written sources: opportunities, problems, prospects], in *Sel'skaya Rus' v IX–XVI vekakh [Rural Rus' in the 9th–16th centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 2008. Pp. 16–30. (in Russian).
- Chernov, Sergey Zaremovich. *Volok Lamskiy v XIV – pervoy polovine XVI v.: Struktury zemlevladieniya i formirovaniya voenno-sluzhiloy korporatsii [Volok Lamsky in the 14th – first half of the 16th century: Structures of land ownership and formation of a military service corporation]*. Moscow: Galeriya Publ., 1998. 543 p. (in Russian).
- Domnikov, Sergey Dmitrievich. *Mat' zemlya i Czar'-gorod: Rossiya kak traditsionnoye obshchestvo [Mother Earth and Tsar City: Russia as a traditional society]*. Moscow: Aleteja Publ., 2002. 672 p. (in Russian).
- Demyanenko, Mikhail Alekseevich. *Ispanskaya i Rossiyskaya imperii v XV–XVIII vekakh: Prolegomeny k sravnitel'nomu analizu [Spanish and Russian empires in the 15th–18th centuries: Prolegomena to comparative analysis]*. St. Petersburg: Publishing House Evropeyskogo universiteta in St. Peterburg, 2021. 38 p. (in Russian).
- Elliott, John. A Europe of composite monarchies, in *Past and Present*. 1992. Nr. 137. The cultural and political construction of Europe. Pp. 48–71.
- Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. *Imperator Svyatoy Rusi [Emperor of Holy Rus']*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2025. 886 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. Why did Russia not become a composite state?, in *Russian History*. 2020. № 47. Pp. 201–223.

- Fedorov, Sergey Egorovich. Rannestyuartovskaya monarchiya i ee kompozity [Early Stuart monarchy and its composites], in *Mnemon*. 2013. Vol. 12. Pp. 473–484. (in Russian).
- Fedorov, Sergey Egorovich; Palamarchuk, Anastasiya Andreevna. Britanskaya kompozitarnaya monarchiya: Verhovnaya vlast' i etnokul'turnye processy [British composite monarchy: Supreme power and ethnocultural processes], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2022. Vol. 66. № 5. Pp. 34–45. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolayevich. *Lekcii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. Moscow: Drevlechraniishhe Publ., 2021. 544 p. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolayevich. «Sluzhebная organizatsiya» i ee rol' v razvitii feodal'nogo obschhestva u vostochnykh i zapadnykh slavyan [«Service organization» and its role in the development of feudal society among the Eastern and Western Slavs], in *Otechestvennaya istoriya*. 1992. № 2. Pp. 56–74. (in Russian).
- Franklin, Simon. *Writing, society and culture in Early Rus', c. 950–1300*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 325 p.
- Froyanov, Igor' Yakovlevich. *Kiyevskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskoy istorii* [Kievan Rus: Essays on socio-political history]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2023. 271 p.
- Glebov, Andrey Germanovich. O nekotorykh osobennostyakh rannesrednevekovoy gosudarstvennosti v Zapadnoy Evrope [On some features of early medieval statehood in Western Europe], in *Vlast', obschestvo, individ v srednevekovoy Evrope*. Moscow: Nauka Publ., 2008. Pp. 11–19. (in Russian).
- Gorskiy, Anton Anatolyevich. «Beschisleniya rati i velikiya trudy...»: Problemy russkoy istorii X–XV vv. [«Terrible armies and great labors...»: Problems of Russian history in the 10th–15th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. 416 p. (in Russian).
- Guryevich, Aron Yakovlevich. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of medieval culture], in Gurevich, Aron Yakovlevich. *Izbranniye trudy: Srednevekoviy mir*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg university, 2007. Pp. 17–262. (in Russian).
- Gustaffson, Harald. The Conglomerate state: A perspective on state formation in Early Modern Europe, in *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. Nr. 3–4. Pp. 189–213.
- Halperin, Charles. The Early Modern Muscovite State reconsidered, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2. Pp. 181–196.
- Halperin, Charles. Muscovy as a hypertrophic state: A critique, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No 3. Pp. 501–507.
- Ijäs-Idrobo, Miia. East of Stockholm, North of Warsaw: Finland, Estonia and the Early Modern composite states in the Baltic Region, in *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2018. Vol. 67. № 3. P. 325–348.
- Ijäs, Miia; Uusitalo, Lauri. Early modern state formation in the margins? A review of early modern popular politics and limited royal power in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Spanish colonial empire, in *Jargonia*. 2017. № 15 (30). Pp. 153–177.
- Khoroshkevich, Anna Leonidovna. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the system of International relations of the Mid-16th century]. Moscow: Drevlechraniishhe Publ., 2003. 621 p. (in Russian).
- Kirpichnikov, Ivan Alekseevich. *Ryazanskaya sluzhilaya elita v kontse XV – pervoy trety XVII veka* [Ryazan service elite at the end of the 15th – first third of the 17th century]. PhD dissertation. Moscow, 2021. 839 p. (in Russian).
- Kivelson, Valery. *Autocracy in the provinces. The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press, 1996. 396 p.
- Kivelson, Valery. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom, in *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 3. Pp. 465–489.
- Kleimola, Ann. Justice in Medieval Russia: Muscovite judgment charters (pravye gramoty) of the fifteenth and sixteenth century, in *Transactions of the American Philosophical Society. New Series*. 1975. Vol. 65. Part 6. P. 3–93.
- Koenigsberger, Helmut. Monarchies and parliaments in Early Modern Europe dominium regale or dominium politicum et regale, in *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. No. 2. Pp. 191–217.
- Kobrin, Vladimir Borisovich. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1989. 174 p. (in Russian).
- Kollmann, Nancy. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

- Korzinin, Aleksandr Leonidovich. *Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg)* [*The Sovereign's court of the Russian state in the pre-Oprichny period (1550–1565)*]. Moscow; St. Petersburg: Alyans-Arkheo Publ., 2016. 672 p. (in Russian).
- Krom, Mikhail Markovich. Neskol'ko zamechaniy po povodu kontseptsii «kompozitnoy monarkhii» i eye primenimosti k Moskovskomu gosudarstvu kontsa XV–XVI v. [A few comments on the concept of «composite monarchy» and its applicability to the Muscovite state of the late 15th–16th centuries], in *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. Pp. 461–478. (in Russian).
- Krom, Mihail Markovich. «Vdovstvuyushcheye czarstvo: Politicheskiy krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka» [*The Dowager Kingdom: The political crisis in Russia in the 30s and 40s of the 16th century*]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ. 888 p.
- Levi-Stross, K. Nepriuchennaya mysl' [La Pensée sauvage], in Levi-Stross K. *Totemizm segodnya: Nepriuchennaya mysl'*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008. Pp. 143–501. (in Russian).
- Lipich, Tamara Ivanovna; Penskoj, Vitaly Victorovich. The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy», in *The Social Sciences*. Pakistan, 2016. Vol. 11 (10). Pp. 2421–2424.
- Makarov, Nikolay Andreyevich. Rus' v XIII veke: Kharakter kul'turnykh izmeneniy [Rus' in the 13th century: The nature of cultural changes], in *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni*. Moscow: Nauka Publ., 2003. Pp. 5–11. (in Russian).
- Mann, Michael. The autonomous power of the state: Its origins, mechanisms and results, in *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. 1984. Vol. 25. No. 2. Tending the roots: Nationalism and populism. Pp. 185–213.
- Mitrofanov, Vladimir Petrovich. Stanovleniye kompozitnoy monarkhii v Anglii v XVI – pervoy polovine XVII v. [The formation of the composite monarchy in England in the 16th and first half of the 17th centuries], in *Mnogostavnye gosudarstva: Opyt i perspektivy razvitiya*: Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: Penzensky State University Publ., 2019. Pp. 45–52. (in Russian).
- Mousnier, Roland. *Histoire Générale des Civilisations. Vol. IV. Les XVIe et XVIIe siècles: Les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715)*. Paris: Presses universitaires de France, 1954. 605 p.
- Nazarenko, Aleksandr Vasilyevich. Dinasticheskiy stroy Ryurikovichy X–XII vekov v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii [The dynastic system of the Rurikovichs of the 10th–12th centuries in comparative historical light], in Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god)*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2009. Pp. 47–87. (in Russian).
- Nazarenko, Aleksandr Vasilyevich. Drevnerusskoye dinasticheskoye stareyshinstvo po «Ryadu» Yaroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – real'nye i mnimye [Old Russian dynastic eldership according to the «Series» of Yaroslav the Wise and its typological parallels – real and imaginary], in Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god)*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2009. Pp. 7–28. (in Russian).
- Palamarchuk, Anastasiya Andreyevna. «Delo Kal'vina» i problemy anglo-shotlandskoy unii 1603 g. [«Calvin's Case» and the problems of the Anglo-Scottish Union of 1603], in *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. 2014. Vol. 4. Pp. 76–82. (in Russian).
- Palamarchuk, Anastasiya Andreevna; Fedorov, Sergey Egorovich. Konstruiruyaya srednevekovye territorial'nye avtonomii: Real'nost' i diskursy rannego Novogo vremeni [Constructing medieval territorial autonomies: Reality and discourses of early modern times], in *Dialog so vremenem: Al'manach intellektual'noy istorii*. 2021. Vol. 75. Pp. 394–402. (in Russian).
- Petrov, Konstantin Vasilyevich. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimani? (Po povodu statyi S. N. Kistereva «Velikoknyazheskiy Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoy poloviny XVI v.») [Did the Code of Laws of 1497 have the meaning of law in its modern understanding? (Regarding the article by S. N. Kisterev «The Grand Duke's Code of Law of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century»)], in *Ocherki feodal'noy Rossii*. 2008. Vol. 12. Pp. 365–382. (in Russian).
- Romaniello, Matthew. Ethnicity as social rank: Governance, law, and Empire in Muscovite Russia, in *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No 4. Pp. 447–469.
- Russell, Conrad. Composite monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish Example, in *Uniting the Kingdom? The making of British history*. London; New York: Routledge, 1995. Pp. 133–146.
- Sashalmi, Endre. Russia as a fiscal-military and a composite-dynastic state, 1654–1725 (An outline), in *State and nation in Russia and Central-East-Europe*. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. Pp. 1–13.

- Shmidt, Sigurd Ottovich. *Stanovleniye rossiyskogo samoderzhavstva* [Formation of Russian Autocracy]. Moscow: My'sl' Publ., 1973. 357 p. (in Russian).
- Toffler, E. *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ., 2004. 781 p. (in Russian).
- Tsaturova, Susanna Karlenovna. Sud'by proekta État moderne v Rossii (Zametki uchastnika konferentsii) [The fate of the État moderne project in Russia (Notes of a conference participant)], in *Srednie veka*. 2019. Vol. 80. Pp. 112–121. (in Russian).
- Yanov, Aleksandr L'vovich. *Rossiya: U istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti* [Russia: At the origins of the tragedy. 1462–1584. Notes on the nature and origin of Russian statehood]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2001. 559 p. (in Russian).
- Yurganov, Andrey L'vovich. *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [Categories of Russian medieval culture]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 308 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Vityaz' na rasputye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [Knight at the crossroads: Feudal war in Russia in the 15th century] Moscow: Mysl' Publ., 1991. 286 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. Iz istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya v XVI v. [From the history of central and local government in the 16th century], in *Istoricheskiy arkhiv*. 1960. No. 3. Pp. 144–150. (in Russian).
- Zhivov, Viktor Mikhaylovich. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema: Postscriptum [History of Russian law as a linguosemiotic problem: Postscriptum], in Zhivov, Viktor Mikhaylovich. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. Pp. 291–305. (in Russian).